

эту тему сделали на симпозиуме П. Влахович, С. Кременшик, Р. Йержабек, А. Семеркани.

Этническое прошлое воздействует на современную культуру и психологию народов, но степень такого воздействия на отдельные компоненты культуры и быта различна; различна также и мера сохранения этнической традиции в конкретных слоях общества. Для обозначения элементов этнического прошлого, функционирующих в современности, В. Д. Хаджиниколов предложил ввести термин «исторически настоящее» в отличие от «исторически прошлого».

Многие выступавшие обращали внимание на необходимость разработки понятийного аппарата. Г. Хинкова, например, считает, что предметом обсуждения должны стать такие понятия, как образ жизни, уровень жизни, уровень культуры, нация, национальность и др. Наши болгарские коллеги предлагают начать работу над словарем этнографических терминов и посвятить обсуждению понятий, используемых этнографами при изучении современности, одну из очередных встреч.

В ходе обсуждения выяснилось, что в европейских социалистических странах все большее распространение получают комплексные исследования. В одних случаях конкретный объект (например, жители села) изучается группой исследователей-обществоведов, среди которых работают этнограф, фольклорист (об интересных результатах такого исследования на примере одного венгерского села рассказывала А. Семеркани); в других случаях этнографы сами берут на себя изучение не только культурно-бытовых элементов, но и определяющих их социально-экономических условий в жизни сельских коллективов, в частности, материальные условия жителей, миграцию и т. д. (о примере такого изучения сел рассказывал П. Влахович).

М. Шаркани посвятил свое сообщение возможности использования приемов социальной антропологии для изучения этнических общностей. В ходе дискуссии было отмечено, что методика не может быть оторвана от методологии, поэтому и методику социальных антропологов тоже важно воспринимать критически, с марксистских методологических позиций (Л. М. Дробужева, В. Д. Хаджиниколов). М. Шаркани согласился с таким подходом.

Все выступавшие отмечали своевременность проведения симпозиума. Было поддержано предложение А. Пранды организовывать такие встречи не реже одного раза в два года.

Накануне открытия симпозиума, 29 сентября 1974 г. заседал инициативный комитет по этнографическому изучению современности. В комитет вошли представители от 8 европейских социалистических стран. На заседаниях обсуждался статут Международного комитета по этнографическому изучению современности, проект его был подготовлен А. Прандой и Д. Тодоровым. Обсужденный и одобренный инициативным комитетом статут будет разослан для обсуждения в ведущие этнографические институты европейских социалистических стран. До утверждения статута организационную работу будет вести секретариат, в состав которого были избраны представители от НРБ, ПНР, СССР, СФРЮ и ЧССР.

Л. М. Дробужева

СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКИЙ СИМПОЗИУМ ПО ЭТНОГРАФИЧЕСКОМУ КАРТОГРАФИРОВАНИЮ

В соответствии с планом советско-финляндского научного сотрудничества с 21 по 29 мая 1974 г. в Хельсинки состоялся симпозиум по этнографическому картографированию. Финские и советские исследователи поделились опытом работы по подготовке историко-этнографических атласов. Этнографы Финляндии ознакомили своих советских коллег с ходом работы над Финским этнографическим атласом, а также с научной и организаторской деятельностью, связанной с созданием общеевропейского Историко-этнографического атласа. Советские этнографы рассказали об организации и основных результатах работы по составлению регионального Историко-этнографического атласа народов Прибалтики.

В программу симпозиума входили 6 докладов финских и 5 докладов советских ученых.

Первое заседание открыл Л. Пости — председатель Совецательной комиссии Института по культурным связям Финляндии с СССР.

Доклады председателей Рабочей группы по научным контактам в области антропологии и этнографии — К. Вилкуна (Финляндия) и Л. Н. Терентьевой

(СССР) — были посвящены общим проблемам этнографического картографирования. Доклады Т. Вуорела, М. Сармеле, И. Талве, Л. Хонко (Финляндия) знакомили с методикой картографирования и затрагивали вопрос об историко-культурных подобластях Финляндии. В докладах Р. Меркене, Н. В. Шлыгиной, И. Лейнаса, М. Славы (СССР) и Г. Кауконен (Финляндия) анализировался конкретный материал, полученный в результате исследований по избранным темам.

К. Вилкуна в своем докладе охарактеризовал историю составления Финского этнографического атласа, а также первые шаги, направленные к созданию регионального скандинавского, а затем и общеевропейского атласов. Докладчик отметил, что уже в 1890-е гг. по инициативе Финского литературного общества был начат сбор языкового материала и этнографических описаний для большого диалектологического словаря. По инициативе финского языковеда Э. Сетяля был составлен и опубликован вопросник, на который ответили около тысячи человек. Многие из них впоследствии постоянно содействовали сбору диалектологических материалов, составивших огромный фонд словаря. В 1927 г. был основан журнал «Санастая» («Словарник»), где, в частности, были помещены этнографические вопросники о конной упряжи (К. Вилкуна), о технике строительства крестьянских домов (У. Сирелюса) и др. Всего вышло 106 номеров этого журнала. На основе всех этих материалов и фонда Национального музея (Хельсинки) были составлены первые этнографические карты.

В ноябре 1935 г. на конгрессе фольклористов в Лунде (Швеция) было выдвинуто предложение о составлении единого для Скандинавских стран этнографического атласа. Уже в 1936 г. была достигнута полная договоренность по вопросам, относящимся к организации этой работы. Однако вскоре выяснилось, что лишь Финляндия и Швеция готовы продолжать начатое дело. После долгих лет кропотливой работы, в 1957 г., вышел первый том — «Атлас шведской народной культуры», — под редакцией З. Эриксона (Швеция). В нем помещены 12 генеральных и 14 вспомогательных карт, на которых отражены явления, распространенные и на территории Финляндии.

Вопросы картографирования разрабатывались и в других странах Европы. Однако фактически сотрудничество осуществилось лишь после второй мировой войны. В 1953 г. в г. Намюре (Бельгия) на конференции Международной комиссии народного наследия было подписано соглашение относительно общеевропейского сотрудничества и создана Постоянная международная комиссия по этнографическим атласам, которая должна была осуществлять руководство работой по планированию и подготовке этнографических карт народов Европы.

С 1964 г. в работе по созданию общеевропейского атласа принимают участие и этнографы СССР. В настоящее время Международная комиссия по этнографическим атласам состоит из 8 членов. С 1967 г. после смерти З. Эриксона ее возглавляет Б. Братанич (СФРЮ)¹. За истекший период комиссия составила программы и разработала общие принципы картографирования, составила вопросники, определила сроки предоставления пробных карт. В настоящее время она является членом Международной комиссии народного наследия. В заключение Вилкуна отметил значение двадцатилетней деятельности Постоянной международной комиссии по этнографическим атласам.

Л. Н. Терентьева в своем докладе проанализировала опыт советских этнографов по созданию региональных историко-этнографических атласов и особенно атласа народов Прибалтики, который готовят совместно Институт этнографии АН СССР и научные центры трех Прибалтийских республик.

Работа над атласом близка к завершению. В основном закончено составление карт по республикам — Эстонской, Латвийской и Литовской ССР. В настоящее время обобщается материал в целом по региону и составляются сводные региональные карты.

Структура и хронологические рамки атласа народов Прибалтики близки к уже опубликованному атласу «Русские» и региональному атласу юго-запада СССР, который еще находится в процессе подготовки². Для первых выпусков Прибалтийского атласа были определены следующие темы: техника земледелия; поселения и постройки; одежда. Определены три периода, по которым группируется материал: середина XIX, конец XIX — начало XX в. и 1920—30-е гг. Характерная особенность первого периода — развитие в Прибалтике капиталистических отношений при сохранении крестьянством в основном традиционных форм культуры. В течение второго периода, условно охватывающего 1880—1914 гг., крестьянское хозяйство перестраивается на капиталистический лад; этот процесс сопровождается заметной трансформацией форм материальной культуры. Третий период относится к эпохе развитого буржуазного строя. Некоторые карты отражают этнографические явления, характерные для настоящего времени.

В Историко-этнографическом атласе народов Прибалтики, как и в других атласах, которые составляются в СССР, применяется принцип совмещения динамики явлений с

¹ Подробнее о работе этой комиссии см.: С. И. Брук, С. А. Токарев, Проблемы составления европейского историко-этнографического атласа, «Сов. этнография», 1966, № 5; и х же, Международная конференция по этнографическому атласу Европы и сопредельных стран, «Сов. этнография», 1968, № 5; С. И. Брук, Историко-этнографическое картографирование и его современные проблемы, «Сов. этнография», 1973, № 3.

² «Историко-этнографический атлас „Русские“», М. 1967; К. Гуслистый, М. Рабинович, Работа над региональным Историко-этнографическим атласом Украины, Белорусии та Молдавії, «Народна творчість та етнографія», 1969, № 4.

их количественными изменениями во времени. Для каждого периода фиксируется три вида количественных показателей: преобладающие, бытующие и единичные явления³.

Л. Н. Терентьева охарактеризовала проблемы, стоящие перед составителями региональных атласов СССР. Это, прежде всего, соотношение этнических и социальных признаков в явлениях материальной культуры. В процессе подготовки атласов эта проблема в основном решена. Можно считать установленным, что чем более то или иное явление материальной культуры связано с производственной сферой деятельности населения, тем в большей мере его развитие обусловлено общими социально-экономическими, а не этническими процессами. Это отчетливо видно в крестьянских поселениях и в сельскохозяйственных орудиях. В народном зодчестве этническая специфика проявляется значительно шире, но и здесь соотношение этнического и социального довольно сильно варьирует в зависимости от функционального назначения построек. Этнические черты доминируют и отличаются наибольшей устойчивостью в народной одежде.

В своем докладе Л. Н. Терентьева выдвинула и другую важную проблему — о мере совпадения этнокультурных ареалов, выявленных по отдельным элементам культуры. Чтобы решить ее, требуется тщательное изучение истории развития того или иного элемента материальной культуры, а также установление причинной связи с общим ходом развития культуры и экономики. Составителям атласов предстоит еще не раз вернуться к этой проблеме. Сопоставление данных середины XIX в. и более раннего времени по одежде и жилищу народов Прибалтики обнаружило существенные различия в границах ареалов: в более отдаленные эпохи степень совпадения ареалов возрастает; временные изменения в пространственном распространении типов жилища значительно опережают аналогичные изменения в одежде. Были высказаны предположения о причинах указанных явлений.

В заключительной части докладчица коснулась вопроса об общем и особенном в материальной культуре народов Прибалтики и соседних славянских народов. Доклад Л. Н. Терентьевой сопровождался демонстрацией карт.

Т. Вуорела, как бы развивая положения первой части доклада К. Вилкуна, ознакомил участников симпозиума с принципами подготовки Финского этнографического атласа. Он отметил, что работа одновременно ведется по 84 темам, включающим разные стороны хозяйственной жизни и отдельные элементы материальной культуры; готовятся также некоторые терминологические карты.

Доклад И. Талве был посвящен определению территориальных границ распространения отдельных элементов материальной культуры и культурных областей Финляндии. Автор отмечал, что финским ученым за многие годы работы, начиная с середины 1920-х гг., удалось составить много карт, отражающих распространение элементов материальной культуры. Однако составление карт не следует рассматривать как самоцель. Они помогли нагляднее представить исследуемое явление и послужили важным источником для разработки проблемы об этнокультурных областях в Финляндии. В докладе неоднократно подчеркивалось, что для установления границ этих областей порой можно использовать не все картографированные элементы, а только те из них, возникновение и пространственное распространение которых хронологически совпадают.

Веками сложившееся и сохранившееся до начала средних веков неравномерное экономическое развитие западной и восточной частей Финляндии стало основой образования двух основных культурных областей — западной и восточной; граница между ними проходила по реке Кюмиоки, озерам Пяйянне, Ювяскюля, Оулу. Различия между этими двумя историко-культурными областями проявляются не только в материальной культуре, но и в фольклорном материале, и в диалектах финского языка. Миграции населения в то время только расширяли границы распространения того или иного элемента народной культуры, не изменяя основных черт этих культурных областей. Для доказательств данного тезиса было продемонстрировано более 20 карт, отражавших локальные черты материальной культуры.

В докладе Л. Хонко отмечалось, что раньше в Финляндии признавали годными для картографирования любые явления культуры, а самую карту без аннотации рассматривали как источник. В настоящее время эти вопросы решаются более осторожно. Ясно, что каждая карта должна иметь не только легенду, но и комментарии о территории распространения картографируемого явления.

Особое внимание Л. Хонко обратил на еще не решенные проблемы. По его мнению, на картах Финского этнографического атласа следует отмечать как границы бытования того или иного явления в прошлом, так и территорию, на которой данное явление сохранилось в настоящее время. По мере возможности следует датировать эти границы. Докладчик затронул также вопрос о том, как отражать на картах связь духовной культуры с общим ходом экономического и культурного развития населения изучаемой территории⁴.

М. Сармеле подчеркнул в своем докладе необходимость отражать на картах этнографические явления в их динамике. Он предложил учитывать при картографиро-

³ С. И. Брук, М. Г. Рабинович, Историко-этнографические атласы, «Сов. этнография», 1964, № 4; L. N. Terent'eva, Erfahrungen bei der Erarbeitung regionaler historisch-ethnographischer Atlanten, «Studia ethnographica et folkloristica in honorem Beia Gunda», Debrecen, 1971.

⁴ L. Honko, Tradition barriers and adaptation of tradition, «Ethnologia Scandinavica», 1973, p. 30—49.

вании экосистему, определяемую им как способ, посредством которого население адаптируется к окружающей среде: физическое приспособление, использование природных ресурсов, регулирование распределения продуктов питания, установление баланса между типом хозяйства и имеющимися ресурсами. Существует тесная связь между экономическими и социальными компонентами экосистемы. Для каждой такой системы характерен специфический социально-культурный климат, своя система ценностных ориентаций, свой фольклор. Докладчик выделяет для Финляндии четыре экосистемы и устанавливает их последовательность: 1) рыболовно-охотничья, 2) подсечного земледелия, 3) интенсивного сельского хозяйства и 4) индустриальная. По мнению М. Сармеле, каждое историческое явление следует обязательно соотносить с экосистемой, к которой оно принадлежит. Это поможет определить ареал его распространения, время его возникновения, бытования и исчезновения. Как считает докладчик, при картографировании следует учитывать, что крепче всего связаны с экосистемой элементы материальной культуры, затем — социальные отношения и слабее всего — фольклор.

Ценным в подходе М. Сармеле является стремление рассматривать картографируемые явления в динамике. Высказанные им положения об экосистемах имеют некоторое сходство с разрабатываемой советскими учеными теорией хозяйственно-культурных типов, отличающейся от нее переоценкой роли географического фактора в общественно-экономическом развитии страны.

Доклад Н. В. Шлыгиной был посвящен крестьянским поселениям Эстонии. Докладчица показала подход советских этнографов к исследованию крестьянских поселений в Прибалтике в целом. В докладе давалась классификация форм поселений, сообщалось о принятых в региональном Историко-этнографическом атласе народов Прибалтики приемах картографирования форм и размеров поселений. Н. В. Шлыгина рассказала о результатах конкретного исследования и картографирования крестьянских поселений на территории трех бывших приходов Эстонии по источникам XVII — начала XX в. На представленных картах детально прослежена трансформация поселений в этих приходах вплоть до каждого обособленно стоящего крестьянского двора.

Доклад Р. Меркене касался ранее мало исследованной темы об эволюции помещений для скота в Литве более чем за четыре столетия (XVII—XX вв.). Доклад был основан на разнообразных источниках, впервые введенных в научный оборот, и сопровождался большим числом иллюстраций и карт. При исследовании учитывалось воздействие этнических и социально-экономических факторов на развитие построек для скота.

И. Лейнасаге посвятила свой доклад технике льноводства в Прибалтике. Вопрос о значении льноводства в экономике России и особенно западных и прибалтийских губерний во второй половине XIX в. подробно не разрабатывался. Не было и детальных карт, отражавших распространение льноводства. В докладе прослеживался процесс интенсификации способов обработки льна и усовершенствования орудий труда. Выявлялись локальные отличия в типах традиционных орудий и приемах работы, обусловленные неравномерностью социально-экономического развития и этническими особенностями выделенных автором регионов.

В докладе М. К. Славы были показаны результаты картографирования одного из древнейших элементов женского народного костюма народов Прибалтики — наплечных покрывал. Были продемонстрированы карты Прибалтийского региона по двум периодам: на середину XIX в. и на конец XIX в. — начало XX в. Сопоставление этих карт дало возможность проследить время развития и исчезновения отдельных типов наплечных покрывал.

Богато орнаментированные наплечные покрывала сохранились до середины XIX в. только у латышей; поэтому была составлена еще отдельная карта по Латвии с выделением типов покрывал по форме, материалу, цветовой гамме и типу украшений. На основании археологических источников в докладе прослежены типы наплечных покрывал, начиная с XII в. Выявленные локальные этнические отличия восходят к прежним племенным образованиям и частично совпадают с границами диалектов балтийских языков.

Доклад Г. Кауконен был посвящен картографированию некоторых древних приемов женского рукоделия: технике вязания одной иглой, вязанию варежек и носков, тканью поясов на дощечках.

На симпозиуме выявились существенные различия в подходе к этнографическому картографированию в СССР и Финляндии. В нашей стране во всех атласах, в том числе и в Историко-этнографическом атласе народов Прибалтики, принят единый принцип показа явлений в динамике с учетом их количественных характеристик.

В Финляндии, как и в ряде других стран, картографирование носило статический характер, что нашло свое отражение и на картах подготавливаемого атласа⁵. Лишь в последнее время отдельные финские исследователи стали критически подходить к прежним принципам (М. Сармеле, Л. Хонко, И. Тальве). Примечательно, что их доклады, особенно доклад Сармеле, вызвали много вопросов, именно у финских ученых, особенно у представителей старшего поколения. Ввиду отсутствия необходимого времени на дискуссию было решено вернуться к обсуждению этих вопросов уже после симпозиума.

⁵ Об этом см. С. И. Брук, Указ. раб.

В заключительном слове К. Вилкуна положительно оценил работу симпозиума. Его мнение о желательности созыва в ближайшие 2—3 года симпозиума по проблемам этнографического картографирования, в деятельности которого могли бы принять участие представители всех стран, расположенных в зоне Балтийского моря, было поддержано всеми присутствующими.

Наши хозяева — финские ученые — принимали нас очень гостеприимно. Они создали все условия для того, чтобы члены советской делегации смогли посетить все интересные их научные организации, познакомиться с архивными материалами, осмотреть достопримечательности столицы Финляндии Хельсинки, посетить университетский город Турку.

**И. А. Лейнасаре, Р. Р. Меркене,
Л. Н. Терентьева**

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ ЭТНОГРАФИИ СЕВЕРО-ЗАПАДА СССР

19—21 марта 1974 г. в Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР состоялась научная конференция, посвященная проблемам этнографии Северо-Запада СССР, организованная по инициативе Восточнославянского сектора Института. В конференции приняли участие этнографы, фольклористы, социологи, искусствоведы из Института этнографии АН СССР, Государственного музея этнографии народов СССР, Государственного Эрмитажа, Государственного Русского музея, Ленинградского государственного университета, Института социологических исследований АН СССР (Ленинградское отделение), Института текстильной и легкой промышленности (Ленинград), институтов языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР (Сыктывкар) и Карельского филиала АН СССР (Петрозаводск) и др.

На шести заседаниях конференции было заслушано и обсуждено 26 докладов и сообщений по следующим проблемам: современные задачи и методы этнографического изучения Северо-Запада; этнографическое изучение Петербурга-Ленинграда; этнические процессы, этническая история и этнокультурные связи населения региона; фольклор и народные художественные промыслы.

Современный Северо-Западный экономический район занимает около 7% территории СССР. В нем проживает 5% населения страны. Экономическое значение региона обусловлено как его природными ресурсами (Ухтинская нефть, Печорский уголь, полезные ископаемые Кольского полуострова, лес и т. д.), так и продуктивностью действующих промышленных предприятий разных отраслей промышленности: лесной, горнодобывающей, металлургической и др. Особое место принадлежит Ленинграду с его важнейшим народнохозяйственным комплексом, передовыми отраслями промышленности, наукой и культурой. Под влиянием процессов индустриализации в областях региона создаются новые формы организации труда, возникают постоянные промышленные кадры. Эти явления тесно связаны с бурными миграционными процессами в регионе и его урбанизацией, выражающейся не только в появлении новых городов и поселков, но и в проникновении городского образа жизни в село.

Северо-Западный район занимает важное место в экономике страны. Вместе с тем его территория довольно точно совпадает с ярко выраженной историко-этнографической областью, характеризующейся длительными и разнообразными хозяйственно-культурными контактами между народами разных языковых и антропологических групп. Однако история ее формирования, факторы сходства и различия отдельных форм традиционной культуры, тенденции развития современных межэтнических контактов остаются еще недостаточно изученными.

Интенсивность межэтнических связей Северо-Запада привела к повышению и относительно равномерному развитию полиэтничности, снизившей значение маргинальных этнокультурных процессов. Такая этнокультурная ситуация ведет к росту активного двуязычия, межнациональных браков, сближению бытовых форм культуры в общих условиях урбанизации и модернизации основных форм. Унификация материальной и вытеснение традиционной духовной культуры профессиональными формами приводит к видоизменению этнической специфики, сохранению ее главным образом в языке, самосознании и других явлениях психической сферы. Вследствие этого должна меняться методика этнографических исследований, переориентируясь с прямого наблюдения на латентный анализ.

Указанные методологические предпосылки исследования современных проблем региона были сформулированы во вступительном докладе К. В. Чистова (Ленинград) «Проблемы этнографического и фольклорного изучения Северо-Запада». Кроме того в докладе были поставлены некоторые проблемы этнической истории Северо-За-